

Научная статья

JEL: K40

УДК: 343. 1

DOI:10.17323/2072-8166.2026.1.27.55

Уголовный процесс: от догматизма к реализму

Юрий Анатольевич Цветков

Московская академия СК России имени А.Я. Сухарева, Россия 125080, Москва, ул. Врубеля, 12,

Yutsvet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7699-5898>

Аннотация

Россия прославилась шедеврами реализма в искусстве и литературе. В Советском Союзе реализм (пусть и с определением «социалистический») стал господствующим творческим методом. Руководители советского государства, не отказываясь от коммунистической фразеологии и поддержки революционных движений, смогли проводить внешнюю политику и строить отношения с капиталистическим миром в русле политического реализма. Однако перед реализмом правовым, поток которого на полвека охватил сразу два континента, в советской юридической науке был поставлен прочный заслон, который не снят до настоящего времени. Автор в связи с этим ставит следующие задачи: 1) сформировать общее понятие о правовом реализме, сделав акцент на продвижении реалистических идей в российской правовой науке в целом и уголовно-процессуальной науке, в частности; 2) рассмотреть ряд наиболее актуальных и дискуссионных проблем уголовного процесса с точки зрения правового реализма; 3) предложить основные принципы исследовательской деятельности в уголовно-процессуальной сфере в парадигме правового реализма. Предметом исследования являются отдельные нормы уголовно-процессуального права, как они применяются в действительности, а также различия между нормативной моделью и содержанием уголовно-процессуальных отношений. В статье рассмотрены назначение уголовного судопроизводства и принцип состязательности в соотношении с методами оценки результатов следственной деятельности. Применяя в качестве основного научного подхода правовой реализм, автор использует и догматический метод (в целях выявления содержания норм писаного права), и исторический в комбинации со сравнительно-правовым (чтобы понимать истоки и смысл трансформации тех или иных уголовно-процессуальных институтов), и социологический (опрос следователей). Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что изменение парадигмы пра-

вопонимания с догматического на реалистическое даст более точное объяснение причин противоречий, возникающих в применении уголовно-процессуального права, и поможет выработать пути его оптимизации, более действенные, чем только механическое изменение законодательства.

Ключевые слова

уголовный процесс; уголовный процессуальный закон; правовой реализм; догматизм; законотворчество; правоприменение; следственная деятельность.

Для цитирования: Цветков Ю.А. Уголовный процесс: от догматизма к реализму // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Том 19. № 1. С. 27–55. DOI:10.17323/2072-8166.2026.1.27.55

Research article

Criminal Trial: from Dogmatism towards Realism

Yuri A. Tsvetkov

Moscow Academy of Investigative Committee of the Russian Federation, 26 Vrubelia Str., Moscow 125080, Russia,

Yutsvet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7699-5898>

Abstract

Russia has become famous for masterpieces of realism in art and literature. In the Soviet Union, realism (albeit with the definition of «socialist») became the dominant creative method. The leaders of the Soviet state, without abandoning communist phraseology and support for revolutionary movements, were able to pursue foreign policy and build relations with the capitalist world in line with political realism. However, before legal realism, the powerful flow of which covered two continents at once for half a century, a solid barrier was placed in Soviet jurisprudence, which has not been removed to this day. In the research the author sets the following tasks in this regard: 1) to form a general idea of legal realism, focusing on the promotion of realistic ideas in Russian legal science in general and criminal procedure science in particular; 2) to consider a number of the most relevant and controversial problems of the criminal process from the point of view of legal realism; 3) to propose the basic principles of scientific research in the criminal procedure sphere in the paradigm of legal realism. The subject of the study is the individual norms of criminal procedure law in the form in which they are applied in reality, the differences between the normative model and the real content of criminal procedural relations. Thus, the author discusses the purpose of criminal proceedings, as well as the principle of competition in relation to the methods of evaluating the results of investigative activities. The relationship between criminal procedural and managerial relations in criminal justice bodies is shown, and the assessment of the procedural independence of the investigator, the public prosecutor and the independence of judges in relation to the norms of organizational behavior is given. Applying legal realism as the main academic approach, the author uses both the dogmatic method in the article

in order to identify the content of the norms of written law, and the historical method in combination with comparative law in order to understand the origins and meaning of the transformation of certain criminal procedural institutions, and the sociological method (interview of investigators). The hypothesis of the study is changing the paradigm of legal understanding from dogmatic to realistic will provide a more accurate explanation of the causes of the contradictions that arise in the application of criminal procedure law, and will help to develop ways to optimize it more than just a mechanical change in legislation.

Keywords

criminal trial; criminal procedure law; legal realism; dogmatism; lawmaking; law enforcement; investigative activity.

For citation: Tsvetkov Yu.A. (2026) Criminal Trial: from Dogmatism towards Realism. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol.19. no. 1, pp. 27–55 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2026.1.27.55

Введение

Юристы настойчиво обращают внимание на увеличивающийся разрыв между законом и его применением. Ввиду противоречивости законодательства говорят о непреодолимых подчас трудностях в формировании правовой основы разрешения в суде уголовных и гражданских дел [Воскобитова Л.А., 2021: 247–262]; [Поляков С.Б. (а), 2024: 7–20]. На фоне роста количества нормативных актов качество правового регулирования в сферах, на которые они направлены, не только не улучшается, но зачастую становится еще хуже [Голоскоков Л.В., 2023: 425]. За весь период действия с 2002 года в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) изменения и дополнения внесены более чем 350 федеральными законами, что указывает на перманентную обеспокоенность законодателей состоянием уголовно-процессуальных отношений.

Решение означенных проблем видится в смене парадигмы правопонимания с догматической на реалистическую. Преобладающий в доктрине догматический подход характеризуется тем, что вся правовая действительность сводится к набору законов, а любое отклонение от них на практике расценивается как девиация, требующая немедленного устранения, причем опять-таки путем внесения изменения в законы. Последователи правового реализма первыми обратили внимание на узость и бесперспективность такого подхода. Еще раньше их предтеча Р. Паунд выступил против механического понимания юриспруденции как процедуры установления факта и отыскания в законах соответствующей ему нормы [Pound R., 1908: 605–623]. Он предложил различать право-в-книгах, т.е. все то, что

указано в нормативных актах, судебных прецедентах и трактатах ученых, и право-в-действии, т.е. в какой мере и каким образом все эти предписания реально управляют поведением личностей.

Другой важной его идеей стало определение границ эффективно-го правового действия [Round R., 1926: 38–39, 64, 104]. Суть в том, что влияние права на индивида и общество весьма ограничено, в то время как юристы переоценивают его значение. Они полагают, что любую социальную проблему можно решить изданием нормативно-го акта, хотя есть сферы, недоступные для правового регулирования. Справедливо это и для уголовного процесса. Первостепенную роль в нем зачастую играют модели взаимодействия между его участниками, формируемые под влиянием традиций [Милицин С.Д., 2020: 88–101], деловых обыкновений, корпоративной этики и даже личностных симпатий и антипатий [Черемисина Т.В., 2022: 76–78, 102–104, 111–113, 129–132].

1. Еще немного реализма о реализме

Правовой реализм (в его американской версии) возник в результате социологического поворота в юридической науке, который наряду с Р. Паундом совершил австрийский юрист О. Эрлих. В качестве альтернативы позитивному праву он еще в 1913 году выдвинул идею о существовании так называемого живого права, под которым понимал «то, чего стороны придерживаются в жизни». Чтобы познать его, надо «рассматривать людей и записывать их речи» [Эрлих О., 2011: 487–488]. Американский правовой реализм (труды К. Ллевеллина, Дж. Франка и других ученых), сделал основным объектом исследования поведение судьи и в целом правоприменителя. Параллельно развивавшийся скандинавский правовой реализм (А. Хэгерстрем, К. Оливекрона, А. Росс и т.д.), возник не на социологической, а на принципиальной иной почве логического позитивизма. Отрицая объективность права, скандинавские реалисты сосредоточились на философской разработке проблем его действительности в попытках узнать, откуда право черпает свои силы. Американцев же интересовало в первую очередь выявление этого «живого права» в деятельности правоприменителей, поэтому в контексте нашего исследования именно их работы наиболее актуальны.

Как отмечал В.А. Туманов, движение правовых реалистов после Второй Мировой войны утратило влияние, уступив лидерство «правовому идеализму», ориентированному на повсеместное утверждение прав человека на волне «возрожденного естественного права»

[Туманов В.А., 1971: 307, 309]. Данная оценка справедлива, но лишь отчасти. Во-первых, в Швеции правовой реализм вступил в «тайный брак» с социал-демократией, результатом чего стал оригинальный шведский социализм, существующий в тех или иных модификациях до настоящего времени¹. Во-вторых, правовой реализм продолжает развиваться как в США, так и в других странах, хотя под влиянием успехов психолингвистики, теории коммуникации и нейронаук он претерпел трансформации, став внимательнее к нормам позитивного права с их языковой конструкцией.

Поэтому сегодня можно говорить в целом о правовом неореализме, который в той или иной форме встречаем в трудах юристов первой величины: американских (Б. Таманаха), итальянских (Э. Паттаро, Э. Фиттипальди), израильских (Х. Даган) и, разумеется, скандинавских (П. Миндус, Т. Спаак, Й. Странг); подробнее см.: [Тонков Е.Н., Тонков Д.Е., 2022: 365–406]. В нашей стране, однако, правовой реализм питательной почвы не нашел, предубеждение, сложившаяся в советское время, сохраняется в наши дни. Его отождествляли с нигилизмом, экстремизмом [Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н., 1995: 293], и уже в наше время на него снова навешивают ярлык правового нигилизма [Поляков С.Б. (б), 2024: 260].

«Удивительное дело, — отмечает С.Д. Милицин, — в государстве, где реализм совсем недавно был провозглашен чуть ли не всеобщим методом в культуре и искусстве (правда, с определением «социалистический»), реализму правовому совсем не нашлось места в арсенале юридической науки!» [Милицин С.Д., 2023: 126]. Впрочем, то, что кажется удивительным автору тонкого замечания, вполне закономерно. Попытки некоторых современных теоретиков подвести под реализм самый широкий спектр направлений, включая социалистическую школу права [Тонков Е.Н., Тонков Д.Е., 2022: 191–229]; [Пономарев С.В., 2023: 88–89], непродуктивны и лишь размывают границы учения.

Так, в реалисты пытаются записать М.А. Рейснера, который, как и его американский единомышленник Дж. Франк, был не только оригинальным юристом, но и психоаналитиком. Творчески переработав учение Л.И. Петражицкого об интуитивном праве, советский ученый сместил фокус с индивидуальной на классовую интуицию.

¹ Несмотря на триумф естественного права, примечательно, что в 1959–1971 гг. судьей Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от Дании был как раз радикальный последователь правового реализма А. Росс, который не скрывал скепсиса к концепту прав человека, называя его не иначе как «блудницей, доступной каждому» (Ross A., 1958: 261).

Столь смелая аберрация позволила ему сформулировать концепцию революционного правосознания, которое вплоть до принятия в 1922 году первых советских уголовного и уголовно-процессуального кодексов признавалось полноценным источником права. «Что касается наших народных судов, то ... им предоставлено судить по нормам права, которые живут в народной душе. Это право — не писаное. Это право чисто народное, складывающееся постоянно в его правовой совести» [Рейснер М.А., 1920: 215]. Слабая сторона социалистического правоведения заключалась в его отрыве от практики, доведенном до полного игнорирования реальности. Основных причин тому две: идеологическая цензура (а юриспруденция имплицитно идеологизирована) и засекреченность уголовной статистики. В такой обстановке ученые до исступления оттачивали искусство правовой догматики. Вместо концепций, отражающих и объясняющих действительность, они нередко создавали грандиозные уголовно-процессуальные утопии сомнительной научной ценности.

Тем не менее попытки преодоления догматического подхода к праву на родственных реализму социологических основах предпринимались и в период «развитого социализма». Связаны они главным образом с научной школой В.П. Казимирчука. Академик В.Н. Кудрявцев приводил его слова: «Мы все работаем по старинке, *комментируем закон* (курсив мой. — Ю.Ц.), а нужно что-то новое...». Возглавляя Институт государства и права РАН, В.Н. Кудрявцев наблюдал нежелание сотрудников работать в секторе социологии права, которым руководил В.П. Казимирчук: «Большинство сотрудников никак не хотели усложнять свою привычную работу: *описание существующих законов, несколько разбавленное опубликованной судебной практикой* (курсив мой. — Ю.Ц.). А ведь социология требует дополнительного и нелегкого труда: проводить исследование жизни, самому что-то подсчитывать, да еще и делать выводы, которые могут не понравиться начальству» [Кудрявцев В.Н., 2007: 13–14]. Характерно, что в структуре современного ИГП РАН сектора социологии права больше нет, что говорит о возобладании догматических тенденций над реалистическими. В этом же посвященном памяти В.П. Казимирчука сборнике опубликована статья Ю.А. Тихомирова с эрлиховским названием «Живое право», в которой автор, хотя и не дал своего оригинального определения вынесенному в заглавие понятию, но обозначил проблему избыточности современного нормативного регулирования [Тихомиров Ю.А., 2007: 37].

В 1995 году В.П. Казимирчук и В.Н. Кудрявцев опубликовали первый отечественный учебник социологии права, в котором определи-

ли ее как междисциплинарное направление на стыке социологии и юриспруденции. Они расширили границы традиционных догматических исследований, выйдя за рамки содержания правовой нормы и переместившись в процессы ее создания и применения. Однако стесненные, вероятно, учебным форматом издания авторы не смогли наполнить его результатами исследований, а лишь наметили их контуры [Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н., 1995]. Задачу эту весьма успешно решили только через 17 лет социологи Европейского университета в Санкт-Петербурге, хотя им и не удалось избежать либертарианской тенденциозности [Волков В.В., 2012].

В то же время необходимо отделить правовой реализм как юридическую научную школу и от социологии права, которая носит междисциплинарный характер, и от юридической социологии, которая является одной из отраслей собственно социологической науки [Карбонье Ж., 1998: 30—33]. Предметом правового реализма остается право, которое, как и его источники, понимается широко, а исследовательский фокус смещается с содержания нормы позитивного права на содержание правоотношений, возникающих в процессе ее применения. В области методологии приоритеты изменяются с догматических на социологические, экспериментальные и другие эмпирические методы исследования.

Российская правовая наука, включая и уголовно-процессуальную, во многом унаследовала от советских предшественников тягу к доктринерству и догматике. Почти во всех диссертациях по уголовному процессу в качестве предмета исследования определено изучение правовых норм [Афанасьев А.Ю., 2021]. Большинство проблем ученые в конечном счете сводят к несовершенству законодательства, а основные предложения, направленные на решение этих проблем, видят во внесении изменений в УПК. Слепая вера во всемогущество буквы закона — это наследие магического мышления, характерного для ранних стадий развития общества. Слово и знак в нем наделяли силой изменять мир физических объектов. У реалистов, как и у коммунистов, тоже есть Карл, но не Маркс, а Ллевеллин. Своими формулировками он очищал от рудиментов магизма авгиевы конюшни правовой теории: «Законодатели принимают “закон”, под которым мы понимаем то, что они закрепляют новый порядок слов в законодательном акте» [Ллевеллин К.Н., 2015: 156].

Впрочем, как и большинство приверженцев правового реализма, сам Ллевеллин был цивилистом, причем весьма влиятельным. Он подготовил важнейший для регулирования делового оборота Единообразный торговый кодекс. Так уж вышло, что вопросы уголов-

ного судопроизводства и Паунд, и другие реалисты затрагивали, что называется, по касательной. В России (как вполне естественная реакция на засилье догматиков) в последнее десятилетие стали появляться публикации, посвященные правовому реализму, включая две монографии [Тонков Е.Н., Тонков Д.Е., 2022]; [Лесив Б.В., 2023] и докторскую диссертацию [Груздев В.С., 2021]. В 2025 году состоялась первая в России научная конференция, посвященная перспективам правового реализма². Однако все вышеуказанные монографии подготовлены теоретиками права и носят описательный характер. Чтобы поставить его на отечественные правовые рельсы, необходимо на примере отрасли права или разновидности судопроизводства доказать плодотворность реализма как исследовательского метода. Работа, в которой судебная практики и уголовно-процессуальные отношения рассмотрены с позиций правового реализма, подготовлена и в 2023 г. вышла в свет [Кутуев Э.К., 2023]. И.В. Маслов назвал эту книгу «бомбой», но предположил, что ее проигнорируют [Маслов И.В., 2023: 105]. Однако работающая теория, если она того стоит, в конечном счете пробьет себе дорогу.

Написанные в реалистической манере статьи стали появляться и в периодике. Председатель редакционного совета журнала «Уголовное судопроизводство» Н.А. Колоколов в передовице довольно смело для судьи его ранга рассуждает на «крамольную» тему судейского правотворчества. В итоге автор признается, что в других изданиях в публикации статьи с такими идеями ему отказали [Колоколов Н.А., 2024: 11]. Впрочем, его и ранее «уличали» в попытке преодоления догматической парадигмы правопонимания. На вопрос, что такое уголовно-процессуальное право, он предложил сразу пять вариантов ответа, отождествляя его с правоотношениями, коммуникацией и т.д. При этом не упомянул ни одного варианта, в котором содержался бы классический ответ, что это совокупность норм.

Опытный практик, в прошлом следователь и судья, Н.А. Колоколов ощущает тесноту привычной догматической оболочки. С позиций не столько даже реализма, сколько естественного права он констатирует, что государство в лице органов законодательной и исполнительной властей производит неконтролируемый обществом объем документов. Живое и разнообразное по своим источникам правотворчество сводится к изданию официальных нормативных

² Всероссийская конференция. Постклассические исследования права на тему «Перспективы правового реализма». Университет прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, 30.05.2025. Available at: URL: https://www.procuror.spb.ru/20250602_3.html (дата обращения: 11.10.2025)

актов [Колоколов Н.А., 2021: 12–16]. Однако даже довольно робкая попытка взглянуть на право несколько шире встречает гневную отповедь. Л.В. Головки возмущен: «Получается, что таинственный «закон» никому не известного происхождения обществом контролируется, а акт сформированного на прямых всеобщих выборах и регулярно переизбираемого парламента — нет» [Головки Л.В., 2022: 31–39]. За прошедшие с момента публикации три года автор на критику, к сожалению, не ответил, так и не объяснив оппоненту, что за «таинственный» закон он имел в виду.

Вопрос, контролируется ли народом парламент и в какой мере, уже далеко не первостепенный. Реалист, который и к процессу законотворчества подходит реалистически, вопрос ставит иначе: контролируют ли законотворчество сами законодатели? Из 450 депутатов Государственной Думы прошлого созыва юридическое образование имели только 88, и часто это не первое базовое образование, которое как раз формирует индивидуальный мыслительный стиль³. Только за весеннюю сессию 2025 года Государственная Дума приняла 354 закона⁴, а за аналогичный период 2023 года — 499 законов⁵. Сколько норм содержит каждый такой закон? Способен ли каждый депутат, не обладающий юридическим образованием, осмысленно прочесть проект закона, разобраться и увидеть в нем подводные камни, не говоря уж о том, что написать его? Большинство таких проектов не только подготовить, но и понять в деталях могут лишь специалисты: советники, консультанты и прочие сотрудники аппаратов парламента и правительства. Законотворчество в XXI веке — это индустрия, поддерживать которую под силу только огромной корпорации профессиональных юристов-клерков, но отнюдь не политикам и депутатам.

Иллюзию единой воли законодателя, выраженную в принятом им статуте, с блеском развеял Р. Дворкин. Не питавший симпатий к реализму и создавший собственную концепцию «права как целостности», он тем не менее во многих аспектах оказался весьма реалистичным ученым. На примере традиционных демократий он

³ Сколько в Госдуме юристов? // [Zakon.ru](https://zakon.ru/discussion/2016/10/5/skolko_v_gosdume_yuristov__specialnoe_obrazovanie_v_oblasti_prava_est_u_88_deputatov) (05.10.2016). Available at: URL: https://zakon.ru/discussion/2016/10/5/skolko_v_gosdume_yuristov__specialnoe_obrazovanie_v_oblasti_prava_est_u_88_deputatov (дата обращения: 11.10.2025)

⁴ РИА Новости (23.07.2025). Available at: URL <https://ria.ru/20250723/gosduma-2030827621.html> (дата обращения: 11.10.2025)

⁵ Оцифровали рубль и повестки. Как поработала Госдума в весеннюю сессию 2023 года // Коммерсант (30.07.2023). Available at: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6134724> (дата обращения: 11.10.2025)

показывал, как на выходе автор проекта получал такой статут, который по содержанию не только отличался от авторской интенции, но в конечном счете даже противоречил ей. Принятый в последнем чтении закон есть результат многочисленных компромиссов с другими законодателями и политиками, лоббистскими группами и прочими общественными активистами. Его текст подгоняют под перспективы утверждения верхней палатой парламента и промульгации президентом. Голосуя в поддержку законопроекта, часть депутатов делает это искренне, другая часть может быть к нему равнодушной или терпимой, а третья часть не согласна, но подчиняется партийной дисциплине [Дворкин Р., 2020: 420–473]. Со свойственной ему дотошностью Р. Дворкин детально разбирает все подводные течения законотворческого процесса, чтобы подвести к своей главной идее — судья не только не должен, но и не может пытаться угадать интенцию законодателя. В трудных делах он самостоятельно выявляет право, исходя из общих принципов, и принимает наилучшее решение — которое отвечает требованиям честности и справедливости. Впрочем, здесь уже Дворкин и сам начинает романтизировать судебское ремесло, пусть и в качестве идеальной модели.

2. Правовой реализм и либерально-демократические тенденции в уголовном процессе

Между двумя основными конкурирующими в юриспруденции подходами — нормативизмом и юснатурализмом правовой реализм выбрал собственный, третий путь. В то же время в российской доктрине эта дихотомия не имеет первостепенного значения. Поскольку ее формирование пришлось на период радикальных политических преобразований, на первый план в дискуссиях ученых вышло противоборство между либеральной и традиционалистской тенденциями. Сближает их то, что в системе используемой ими аргументации беспристрастный анализ уступает порой место демагогическим суждениям, если демагогию понимать в прямом смысле при переводе с греческого как «заискивание перед народом».

Свежий пример таких не вполне реалистичных суждений — в интервью С.А. Пашина об итогах уголовно-процессуальной жизни за 2023 год. Комментируя изменения в УПК РФ, в соответствии с которыми суд теперь оглашает только вводную и резолютивную части приговора, судья в отставке посетовал: «Гласность процесса урезана: полный текст судебного приговора никогда не будет услышан публикой» [Пашин С.А., 2024: 38]. Но является ли это тем, что дей-

ствительно нужно публике? В XIX в., когда население в основном не умело читать, другого варианта ознакомиться с приговором не иначе как на слух у него не было. До издания Соборного уложения 1649 года все законы на Руси провозглашались на площадях и в храмах. Почему бы тогда С.А. Пашину не быть до конца последовательным и не потребовать возврата к традициям обнародования законов в публичных местах? С 2009 года информация о деятельности судов, включая тексты приговоров, подлежит размещению в Интернете⁶. Для чего сейчас, в век всеобщей грамотности и цифровизации, тратить попусту время и засорять процесс этой взаимной пыткой?

Принятый в 2001 году УПК РФ основан на либеральных принципах охраны прав и свобод человека и гражданина и состязательности сторон. Выделение в иерархии принципов именно этих двух — вполне логично. Ядром либерализма является идея прав человека, которая основана на теории естественного права, не соответствующей, по мнению реалистов, критериям научности. Состязательность в свою очередь переносит в уголовное судопроизводство дух рыночной экономики как господствующей формы общественных отношений. В своих точных определениях сути буржуазных (но не советских) правоотношений деятели социалистической школы права проявили такую же проницательность, как и реалисты. Один из основателей саратовской и ленинградской юридических школ В.С. Ундревич почти 100 лет тому назад писал: «Социальная основа состязательной формы процесса — свобода хозяйственной деятельности товаропроизводителя, частного собственника. Состязательный процесс должен был защищать от возможного стеснения свободу товаропроизводителя государством торгового капитала. Его формой была привычная форма конкуренции, состязательная форма...» [Ундревич В.С., 1928: 15].

В практике ЕСПЧ принцип состязательности доведен до гротеска в «равенства оружия» сторон защиты и представленной государством стороны обвинения. Нереалистичность этой доктрины с помощью удачной метафоры доказал Л.В. Головкин. Он уподобил стороны двум борцам в принципиально разных весовых категориях, которых на ринге ставят друг против друга и при этом постоянно дисквалифицируют того, кто выше и тяжелее. Вместо «равенства оружия» профессор предложил «реалистичную» концеп-

⁶ Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

цию состязательности, которая, по сути, воплощена в установленной законом процессуальной форме судебного разбирательства [Головко Л.В., 2020: 107–118].

Впрочем, и либералы, и этатисты схожи в том, что серьезно переоценивают как силу государства, так и значение состязательности. Предрекавший человечеству либеральный конец истории Ф. Фукуяма сделал за последние годы крен влево. Основным источником всех мировых проблем в XXI веке он теперь видит именно ослабление государства. Отсутствие государственного контроля сделало возможным то, что «расхищение общественных ресурсов так называемыми олигархами привело к частичной нелегитимности посткоммунистического российского государства» [Фукуяма Ф., 2006: 40–41].

Силу российского государства зачастую путают с влиянием отдельных политиков и размерами бюрократического аппарата. Римской республикой в период расцвета, когда в ее состав входила территория всего Средиземноморья на трех континентах, управляли на постоянной основе всего 168 должностных лиц—магистратов⁷. «У тех, кто обладает властью, оказывается все меньше способов ее применить», — по опыту работы министром утверждает М. Наим в книге с характерным названием «Конец власти» [Наим М., 2016: 15]. Этот тезис в полной мере подходит и к должностным лицам органов уголовной юстиции. В мае 2023 года сотрудники частной охранной организации не пропустили Председателя Следственного комитета России на стройку даже после того, как он предъявил удостоверение генерала юстиции Российской Федерации⁸. Кому-то это может показаться курьезом, но, к сожалению, это и есть реалии, в которых выполняют свои обязанности следователи.

Опрос следователей показал, что большинство при исполнении обязанностей сталкивалось с воспрепятствованием проходу на территорию и в помещения организаций или органов власти (61,4%). Среди тех, кто оказывал следователям такое противодействие, на первом месте по частоте упоминания — сотрудники частных охранных организаций (49,4%), на втором — органов внутренних дел (14,3%) и на третьем — вневедомственной охраны (7,8%)⁹. Почему

⁷ Консулов — 2, преторов — 12, эдилов — 6, цензоров — 2, квесторов — 40, народных трибунов — 10, а также ликторов — по 12 у каждого консула и по 6 у каждого претора.

⁸ Главу СК Бастрыкина не пустили на стройку в Петербурге. Available at: URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/14/bastrykin/> (дата обращения: 11.10.2025)

⁹ Опрос проведен в 2024–2025 г. при объеме выборки n=101, репрезентирующей следователей СК России по региону и стажу работы.

удостоверение следователя во многих случаях не оказывает влияния на сотрудников частной или даже вневедомственной охраны? Вероятно, потому, что действительное право для них содержится не в федеральных законах, а в приказах работодателя, который велит без его ведома не пропускать никого.

В качестве другого примера недостаточной силы государства возьмем институт понятых. Полезный как в плане развития навыков общественного контроля, так и в перспективе проверки соблюдения надлежащей правовой процедуры, в постсоветское время институт понятых деградировал. Ни обязанности участвовать в качестве понятого по приглашению следователя, ни ответственности за уклонение от этой обязанности не установлено даже формально. Проблема привлечения граждан в качестве понятых решена не путем возложения соответствующей обязанности и воспитания их в духе гражданской активности, а посредством сокращения перечня следственных действий, по которым участие понятых обязательно, с 11 до трех¹⁰.

Точно так же государство реагирует и на другую проблему: уклонение граждан от исполнения обязанностей присяжного заседателя. Законодатель пытается решить ее отнюдь не так, как ожидают от сильного государства: в судах среднего звена сокращается численность коллегии присяжных заседателей с 12 до 8¹¹, а в районных судах — до 6 человек¹². Заметим, что в России нет никакой, даже административной ответственности за неявку без уважительной причины в качестве присяжного заседателя. В то же время в США не только предусмотрена уголовная ответственность за аналогичное деяние, но в ряде штатов действуют целые государственные программы преследования лиц, уклоняющихся от явки в качестве присяжных. Реализация таких программ позволяет оперативно собирать коллегию и формировать ее на условиях репрезентативности (например, Программа преследования присяжных за правонарушения в штате

¹⁰ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

¹¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СПС Консультант Плюс.

¹² Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СПС Консультант Плюс.

Массачусетс)¹³. Если в имплементации института присяжных заседателей мы пошли именно по англо-американскому пути, то почему не пользуемся их опытом в том, как заставлять граждан выполнять долг перед обществом?

Наряду с переоценкой возможностей государства в уголовном процессе так же необоснованно преувеличено стремление сторон состязаться друг с другом. В марте 2023 года автор настоящей статьи и некоторые из тех, на кого он здесь ссылается, приняли участие в защите Е.В. Корчаго кандидатской диссертации в РУДН. Являясь управляющим партнером одноименной коллегии адвокатов, соискатель доказывал необходимость введения в российский уголовный процесс полноценного института соглашения о признании вины [Корчаго Е.В., 2023]. Один из членов диссертационного совета задал ему вопрос, что он как адвокат рекомендовал бы клиенту: добиваться полного оправдания либо пойти на сделку с обвинением? Опытный защитник ответил, что всегда, когда есть возможность договориться, он рекомендует договариваться. Такова позиция юриста, знакомого с правом-в-действии. Хотя принцип состязательности по-прежнему занимает важное место в коллективном сознании ученых, агрегатор процессуальных и служебных интересов всех участников процесса своей «невидимой рукой» направляет судопроизводство на путь кооперации.

3. Правовой реализм и традиционалистские течения в уголовно-процессуальной мысли

Реакцией на либеральное доктринерство в уголовном процессе стало другое течение — крайний традиционализм. Его последователи в дискуссиях часто апеллируют к таким высоким, но отнюдь не научным понятиям, как «духовные скрепы», «нравственные основы», «соборность» и т.д. Казалось бы, есть нечто общее во взглядах традиционалистов и концепциях «живого права» О. Эрлиха, интуитивного права Л.И. Петражицкого и права, обитающего, по М.А. Рейснеру, в «народной душе». Реалисты (главным образом, деятель скандинавской их ветви А. Росс) признают влияние, которое на правоотношения оказывают культурно-исторические факторы, однако принимают их не как аксиомы, а как предмет беспристрастного научного исследования.

¹³ Официальный сайт Массачусетса. Available at: URL: <https://www.mass.gov/info-details/learn-about-the-delinquent-juror-prosecution-program> (дата обращения: 11.10.2025)

«Принципы уголовного процесса суть духовные ценности народа» — провозгласил когда-то А.В. Агутин. Этот лозунг В.Т. Томин считал основой аксиологической школы уголовного процесса, известной также как нижегородская школа процессуалистов [Пьянкова Н.В., 2022: 51]. Хотя Р. Дворкин строил свою концепцию на идее принципов, он, как мы убедились, реалистически оценивал влияние народа на законодателя, а законодателя — на законотворчество. По нашему глубокому убеждению, не разделяемому многими учеными, формирование правовой идеологии в целом и уголовно-процессуальной идеологии в частности — привилегия интеллектуальной элиты, а не народа. Принципы той или иной отрасли права отражают идеалы этой элиты, а, точнее, той его части, которая в данной исторической ситуации получила доступ к рычагам законодательной власти. Как и при создании Концепции судебной реформы, так и при подготовке УПК ею оказалась группа либеральных романтиков. Некоторые из них, например, И.Б. Михайловская, эволюционировали в сторону реализма, другие, как Е.Б. Мизулина — традиционализма, и лишь немногие, как, например, С.А. Пашин, сохранили верность идеалам 1990-х годов.

Развивая лозунги аксиологической школы уголовного процесса, А.В. Победкин полагает, что авторитет следователя определяется доверием народа [Победкин А.В., 2019: 277]. Но откуда народ в массе своей знает, как работает следователь, с деятельностью которого редко кто соприкасается непосредственно? Обыватели формируют мнение об органах уголовной юстиции по их медийному образу, кинофильмам, постам в социальных сетях, старым и неискоренным предрассудкам. «Доверие народа» — категория не научная, а демагогическая. Уровень этого доверия с достоверностью измерить невозможно, положения дел он не отражает и, более того, управляется все той же элитой. Свежий и убедительный пример ненадежности этих инструментов — избирательная кампания в США. Авторитетные социологические службы Соединенных Штатов третьи выборы подряд существенно недооценивали уровень поддержки Дональда Трампа, каждый раз предсказывая уверенную победу его конкурентов¹⁴.

Более или менее адекватную оценку общественного мнения можно дать только в его отношении к полиции и суду, с деятелями которых граждане общаются чаще, чем с работниками других правоохранительных органов. Обывательское начало в понятиях о деятельности

¹⁴ См.: US pollsters taking heat — again — for failing to predict Trump triumph / The Guardian. 6 Nov. 2024.

судей в массовом сознании, конечно, превалирует. Использование социальных сетей в целях «скандализации» правосудия — сравнительно новый феномен, юридически пока не осмысленный [Качалова О.В., 2021: 20—25]. Но через суды по всем видам судопроизводства ежегодно проходит несоизмеримо большее число — десятки миллионов человек. Не исключено, что результаты опросов, на протяжении многих лет свидетельствующие о недостаточно высоком уровне доверия граждан к судебной системе¹⁵, в целом адекватно отражают «мнение народа». В чем причина такого недоверия и как ее устранить? Неожиданный ответ предлагает А.В. Агутин: недоверие общества к суду вызвано тем, что деятельность суда основана не на православной духовной культуре, а на рационалистических и поэтому либеральных по своей сути концептах. Народ поверит в суд только когда он будет перестроен на православных началах [Агутин А.В., 2023: 25—36].

В отличие от мусульманского мира, в котором нормы шариата являются общими как для светской, так и духовной сфер жизни, христианской цивилизации (и православие здесь не исключение) свойственно четкое разделение на светское и каноническое право. Конечно, есть мнение В.О. Ключевского, что «Русская Правда» изначально была частью канонической системы права и применялась церковными судами. Но в исторической перспективе это не имело значения, поскольку юрисдикция «Русской Правды» была ограничена, и в дальнейшем ни в одном правовом акте она не упоминалась [Ключевский В.О., 1987: 214—231]. Светское и каноническое право в России развивались автономно, причем первое не только существенно опережало в своем развитии второе, но в конечном счете поглотило его. Если обратиться к Положению о церковном суде Русской Православной Церкви, то из него видно, что каноническое судопроизводство практически полностью скопировано со светского уголовного процесса¹⁶.

Православие мы заимствовали у Восточной Римской империи как часть более крупного наследия — идеологии византизма. Большой знаток вопроса К.Н. Леонтьев указывал: «Византийский дух,

¹⁵ Опрос общественного мнения по состоянию на 9 августа 2020 г. показал, что 41% граждан нашей страны в целом оценивают деятельность российских судов и судей отрицательно и только 25% — положительно. При этом 45% опрошенных полагают, что несправедливые приговоры судьи выносят часто, и только 32% — редко / Работа судов и судей: представления о справедливости, независимости и бескорыстии судей (на 9 авг. 2020 г.) / Фонд общественное мнение (ФОМ). Available at: URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14459> (дата обращения: 11.10.2025)

¹⁶ Официальный сайт Московского Патриархата. Available at: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (дата обращения: 11.10.2025)

византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [Леонтьев К.Н., 1993: 36]. А. Тойнби считал, что византийскую основу российской государственности не затронули ни петровская модернизация, ни социалистическая революция. Именно с ней он, кстати, связывал историческое непонимание России странами Запада [Тойнби А.Дж., 2002: 372]. Ядром византизма является сакральность самодержавной власти, с которой трудно конкурировать идеалам равенства перед законом и судом. Византийско-православная цивилизация в силу своей природы не могла сформировать идею и культивировать практику профессионального и независимого суда, которого, по сути, и желает себе любой здравомыслящий человек, независимо от своих политических предпочтений. Такой суд, как бы это не было прискорбно для традиционалистов, органично развивался именно на Западе, где государство никогда не становилось настолько мощным, как в Восточной Римской, Китайской или Российской империях. Отцы судебной реформы 1864 года в качестве модели для построения «суда скорого, правого, милостивого и равного для всех» использовали британское правосудие, поскольку исторически именно оно стало первым отвечающим таким стандартам правосудием.

В середине XX века Тойнби задавался вопросом, можно ли в принципе имплементировать западную цивилизацию в инородное общество по частям, заимствовав передовые технологии, но сохраняя архаичную политическую систему [Тойнби А.Дж., 2002: 48–51]. Опыт Китая, воплотивший реформы Дэн Сяопина, показал, что такое возможно. Но получится ли фрагментарно внедрить западную политическую систему в форме «суверенной демократии» — остается загадкой. Многое зависит от политической зрелости народа, который желает материальных достижений западной цивилизации сильнее, чем социальных, включая и независимый суд, иначе давно бы имел и его.

4. Правовой реализм: ключ к уголовно-процессуальному праву

Настало время раскрыть главную интригу статьи и ответить на вопрос, что такое в понимании реалистов право. Вслед за судьей О. Холмсом из плеяды великих они считали, что право — предсказание, какое решение примет судья, не больше и не меньше [Левис Б.В., 2023: 14]. К.Н. Левеллин расширил понимание права, включив в него поведение всех правоприменителей: полицейского,

следователя, судебного исполнителя и других должностных лиц, а также в целом юристов — постольку, поскольку то, как они консультируют клиентов, определяет их правовое поведение [Ллевеллин К.Н., 2015: 173—183]¹⁷. Таким образом, чтобы узнать право-в-действии, необходимо изучить, как правоприменители принимают и реализуют решения, какие действия совершают и от совершения каких действий предпочитают воздерживаться, а также каковы мотивы их поступков.

Если попытаться понять поведение правоприменителя и соответственно выявить уголовно-процессуальное право, внимательно изучая только УПК РФ, мы будем бродить в потемках, постоянно натываясь на острые углы. Практически все участники уголовного судопроизводства по УПК РФ — это единоличные субъекты. Среди коллективных в законе упомянут только один — орган дознания, хотя от его имени всегда действует конкретное должностное лицо. И хотя существует такой участник, как руководитель следственного органа, но следственного органа как субъекта уголовного процесса нет. Наряду с понятием «судья» в УПК РФ также используется понятие «суд», но оно обозначает того же судью либо нескольких судей, участвующих в рассмотрении одного дела, а не суд как учреждение.

Поведение следователя, прокурора и судьи на основании нормативной модели прогнозируется с точки зрения их процессуального статуса, включая функции, интересы и полномочия. При этом игнорируется важный аспект: эти лица только в УПК РФ действуют как единоличные участники уголовного судопроизводства. В жизни все они являются частью какой-нибудь организации: следственного органа, прокуратуры, суда. Закон наделяет судей и следователей такими атрибутами их процессуального статуса, как, соответственно, независимость и процессуальная самостоятельность. Однако эти атрибуты вступают в противоречие с природой организации, в которой существуют иерархия и система оценки ее результатов, выраженных в статистических показателях. Кроме того, организациям присущи и такие не измеряемые, но при этом весьма чувствительные свойства, как собственная (организационная) культура. Поэтому участник уголовного судопроизводства, который при этом является сотрудником организации, ориентируется в своем поведении не только на нормы УПК РФ, но еще и на организационные нормы, ценности и культуру, которые могут не соответствовать тому, чего от них требует закон.

Назначение уголовного судопроизводства, как оно сформулировано в ст. 6 УПК РФ, может не совпадать с критериями оценки полезности организации и самого работника. Хрестоматийный пример — прекра-

¹⁷ Вспомним здесь пример с Е.В. Корчаго.

щение уголовного дела по реабилитирующему основанию. С точки зрения закона назначение уголовного судопроизводства выполнено: произошел отказ от уголовного преследования и невиновный реабилитирован, что равноценно привлечению к уголовной ответственности и наказанию виновного лица. Но представим себе двух следователей, которые выходят на аттестацию. Оба за год окончили предварительное следствие по равному количеству уголовных дел, например, десяти. Однако если первый все эти дела направил в суд, то второй — прекратил. Соответственно, ко второму следователю у членов аттестационной комиссии — вопросы: не хватило профессионализма доказать наличие состава, либо получал взятки, либо некачественно провел следственные проверки? Если в дополнение к этому обвиняемые содержались под стражей и были реабилитированы, то государство понесет убытки, в то время как по уголовным делам, оконченным первым следователем, возмещен причиненный бюджету ущерб.

Следователь может оправдываться тем, что руководитель специально поручал ему расследовать только бесперспективные с точки зрения направления в суд уголовные дела. Но и руководитель способен продемонстрировать чудеса софистики и вслед за М.С. Строговичем заявить, что не существует не раскрываемых преступлений, а есть лишь не расследованные надлежащим образом преступления [Строгович М.С., 1970: 145]. Предположим, аттестационная комиссия не попадет на эту уловку, а изучит дела и согласится со следователем. Но тогда придется признать, что распределение уголовных дел и материалов может служить способом искусственного формирования показателей (не)угодным следователям.

В соответствии со ст. 161 УПК РФ именно следователь определяет, какие данные предварительного следствия и в каком объеме предавать гласности. По смыслу п. 2 ч. 4 этой же статьи следователь, а не иное лицо выступает в средствах массовой информации (далее — СМИ) по вопросам находящимся в его производстве уголовных дел и материалов. В то же время любая организация, включая и следственные органы, стремится к созданию своего привлекательного образа. В СК РФ, например, разработана Концепция информационной политики, единство которой обеспечивает специализированное подразделение центрального аппарата — управление взаимодействия со СМИ¹⁸. Сотрудники следственных органов, оказываясь в

¹⁸ Концепция информационной политики Следственного комитета Российской Федерации (утверждена приказом СК России от 18.08.2020 № 84) // СПС Консультант Плюс.

медийном пространстве, обязаны руководствоваться положениями соответствующей инструкции¹⁹. В силу этой инструкции не сотрудники подразделений по связям со СМИ согласовывают выступления со следователями, а наоборот, руководители следственных органов согласовывают с указанным управлением свои действия и действия подчиненных, связанные с участием в теле- и аудиопрограммах, интернет-конференциях, организацией видеосъемок. Может ли в современном мире государственный орган позволить себе действовать иначе, принимая во внимание всю сложность массовых коммуникаций и скрытую мотивацию социальных акторов?

Столь же неоднозначно положение другого единоличного субъекта уголовного процесса — государственного обвинителя. Полномочия его сформулированы так, как будто он живет и работает в социальном вакууме. Он вправе отказаться от обвинения, и этот отказ обязателен для суда. Но государственный обвинитель работает в организации (прокуратуре), у него есть начальники, один из которых и утвердил обвинительное заключение. Требуется ли закон учитывать, как такой отказ повлияет на показатели работы прокуратуры, что об этом скажет вышестоящий прокурор и как все это отразится на перспективах дальнейшей службы самого государственного обвинителя? Законодательная модель поведения государственного обвинителя этих аспектов не содержит, а его существующее в реальном мире сознание — содержит. Поэтому невозможно понять поступки публичных участников уголовного судопроизводства в отрыве от их организационного поведения, что упорно игнорируют приверженцы правового догматизма.

Так, наш опыт изучения организационной динамики в следственных органах А.В. Победкин оценил как «не в полной мере удавшуюся попытку механистически переложить западную теорию менеджмента... на управление в следственной деятельности...» [Победкин А.В., 2023: 81]. На чем основано утверждение, что данный подход удался не вполне, если только не на субъективных ощущениях автора, как и другие оценки традиционалистов? На протяжении многих лет проводилось обобщение отзывов руководителей следственных органов разного уровня о повышении квалификации в нашем вузе. В них на вопрос: какие полезные знания они получили, опытные практики в

¹⁹ Инструкция об организации взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации, сайтами в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не являющимися средствами массовой информации, а также с социальными сетями (утверждена приказом СК России от 13.05.2019 № 56) // СПС Консультант Плюс.

подавляющем большинстве отвечали, что приобрели новые знания именно по вопросам управления.

Предложенная нами научная стратегия, хотя и была в силу ее новизны изначально рискованной, в конечном счете оправдалась в полной мере, причем именно потому, что механического перенесения менеджмента на следственную деятельность в ней нет. Достижения в области этой науки использовались выборочно и при этом тщательно адаптировались к специфике работы следственных органов. Сегодня в теории и практике управления набирает влияние такое течение, как *New Public Management*. В его русле происходит избирательное применение в деятельности органов государственной власти тех инструментов, которые доказали полезность в управлении коммерческими организациями [Маркварт Э., 2020: 26–31]. Реальные условия, в которых вынуждены работать и добиваться результатов современные руководители следственных органов, заставляют их мыслить себя и свою деятельность в категориях не большого начальника, а менеджера. Показательно, что появляются публикации наших руководителей, в которых они прямо так себя и называют [Махтук С.О., 2019: 140–144].

Со статистикой в оценке результатов работы органов уголовной юстиции, которую А.В. Победкин называет «статистической эффективностью», ситуация такая же, как и с демократией. Статистика — худший измеритель полезности правоохранительных органов, за исключением всех остальных измерителей. Понимая это, автор настоящей статьи в критикуемой оппонентом работе предлагает, во-первых, избегать упрощенных подходов к анализу статистических данных, во-вторых, не ограничиваться при оценке работы того или иного органа или следователя лишь количественными показателями, но учитывать региональную и местную специфику деятельности.

На острие критики оказалось предложение не подменять научных методов аксиологическими подходами и не отождествлять следственную деятельность ни с искусством, ни с социальным служением. Исходить надо из того, что следствие — такая же операционная деятельность, как и любая другая производственная деятельность. Идя на службу, следователь не рассуждает в таких высокопарных категориях, как «социальная миссия» или «поиск истины». Его мысли заняты тем, удастся ли собрать всех необходимых участников назначенной на сегодня проверки показаний, будет ли транспорт, доставят ли обвиняемого вовремя из изолятора, приедет ли адвокат и т.д. Он озабочен, как успеть продлить процессуальные сроки по другим

делам, сколько дел он сможет окончить в отчетном периоде, чтобы не попасть под начальственную критику руководителя, не нагрузят ли новыми делами или материалами перед уходом в отпуск, позволят ли в отпуске полноценно отдохнуть и восстановиться. Такими мыслями занят мозг следователя, идущего утром на работу.

В полемике с автором А.В. Победкин прибегнул к непререкаемому авторитету главы государства: «Продвижение по службе, карьерный рост *должны быть* (курсив мой. — Ю.Ц.) у того, кто готов, что называется, пахать на благо граждан, всегда и во всем следовать принципам служения людям, обществу, родной стране» [Победкин А.В., 2023: 83]. Очевидно, что не один А.В. Победкин, но и любой порядочный гражданин поддерживает продвижение по службе только честных и преданных Родине профессионалов. Однако для правильной интерпретации слов Президента Российской Федерации необходимо обратить внимание на сказуемое «должен быть». Глава государства выразил идеал кадровой политики, к которому следует стремиться, но отнюдь не констатировал, что именно так и есть.

Здесь выход на одну из краеугольных идей реализма, которую выдвинул М. Вебер, разделивший концепции правовой действительности на аксиологическую и эмпирическую составляющие. В изучении правопорядка он выделил два аспекта: *sein* (должное) и *sollen* (сущее). В отличие от догматиков, полностью поглощенных должным, реалисты делают акцент на изучении сущего, т.е. эмпирической действительности, в которой реализуются нормы права [Holtermann J., Madsen M., 2015: 211–230]. В этом вопросе опять приходит на помощь понимание поведения участников уголовного судопроизводства через призму закономерностей организационной динамики. Э. Доунс, предложивший теорию жизненного цикла государственных органов, выделял в каждом из них три группы работников: активистов, карьеристов и консерваторов. Соотношение между ними может меняться, что отражает стадию развития, на которой находится организация. Существенное преобладание двух последних категорий указывает на то, что жизнь организации близится к закату [Доунс Э., 2003: 341–361]. Те самоотверженные граждане, о которых говорит Президент России, относятся как раз к категории активистов. Л.Н. Гумилев назвал бы их пассионарными личностями, т.е. готовыми жертвовать собой на пользу общества. Но ни в одной из этих теорий не сказано, что можно добиться, чтобы такими стали все.

Концентрируясь на проблемах сущего, реалисты тем не менее не игнорируют вопросов целеполагания. Но и цели они стараются сделать осуществимые, в данном случае поддержание на государствен-

ной службе такого баланса между различными категориями служащих, при котором активисты играли бы заметную роль. Вообще реалистический идеал государственного служащего, включая должностных лиц органов уголовной юстиции, — это в терминологии того же Л.Н. Гумилева отнюдь не пассионарная, а скорее гармоничная личность. Этим термином он обозначал личность, совмещающую в своей деятельности индивидуальный и общественный интересы таким образом, что они не вступают в конфликт друг с другом [Гумилев Л.Н., 2003: 267–301].

Не следует отождествлять научную стратегию реалистов с их персональными ценностями, которые могут быть самыми разными, в том числе и высокодуховными. К. Ллевеллин в своей последней работе недаром подчеркнул, что реализм является не теорией, а научным методом, который выражает единственная формула: «Смотри на все так, как оно действительно работает» [Llevellin K.N., 1960: 19].

Заключение

Исследование позволяет сделать вывод, что замена в уголовном процессе правопонимания с догматического на реалистическое преопределяет:

— формирование «понимающей» и «объясняющей» юриспруденции, которая за теми или иными правовыми явлениями способна разглядеть не только верхний пласт — особенности нормативного регулирования, но и фундаментальный уровень социальных, политических, культурно-исторических и психических процессов;

— ревизию роли позитивного права как далеко не единственного и не главного регулятора уголовно-процессуальных отношений и, соответственно, более широкое понимание права и его источников;

— смещение фокуса уголовно-процессуальных исследований с норм права и в целом с позитивного права на право-в-действии, т.е. в конечном счете на поведение участников уголовного судопроизводства, выражающееся в их действиях и решениях;

— понимание общественных отношений в уголовном процессе как синтеза правовых, управленческих, межличностных отношений (в том числе обусловленных противоположными либо по-разному понимаемыми процессуальными интересами властных и невластных участников уголовного судопроизводства, неразделимого в действительности на отдельные «чистые» составляющие);

— повышение качества взаимодействия участников уголовного судопроизводства не в режиме тотальной состязательности, а на ос-

нове кооперации в целях достижения баланса процессуальных интересов всех или по крайней мере большинства участников уголовного судопроизводства;

— усиление государства в лице его следственной, обвинительной и судебной властей действенными полномочиями по реализации монополии на легитимное насилие в сфере уголовного судопроизводства и повышение ответственности граждан и должностных лиц за неисполнение процессуальных обязанностей.

Список источников

1. Агутин А.В. Духовные скрепы российского народа и правосудие по уголовным делам: диалектика духовно-нравственного (конкретного) и либерального (абстрактного). *Oeconomia et Jus*. 2023. № 1. С. 25–36.
2. Афанасьев А.Ю. Введение в уголовно-процессуальную науку. М.: Проспект, 2021. 144 с.
3. Волков В.В. (ред.) Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М.: Статут, 2012. 368 с.
4. Воскобитова Л.А. Объемное понимание правовой основы дела в теории и современной правоприменительной практике уголовного судопроизводства П.А. Лупинская: Вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения): воспоминания и научные статьи. М.: Норма, 2021. С. 247–262.
5. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям. *Государство и право*. 2020. № 6. С. 107–118.
6. Головкин Л.В. Конституционализация уголовного судопроизводства и ее допустимые пределы / Материалы всероссийской конференции. СПб: РГУП, 2022. С. 31–39.
7. Голоскоков Л.В. Дигитализация законодательства: уголовно-правовые аспекты // *Юридическая техника*. 2023. № 17. С. 424–431.
8. Груздев В.С. Реализм в юриспруденции: теоретико-методологические и исторические аспекты: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2021. 51 с.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2003. 560 с.
10. Дворкин Р. Империя права. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2020. 592 с.
11. Доунс Э. Жизненный цикл бюрократических структур. М.: МГУ, 2003. С. 341–361.
12. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1998. 352 с.
13. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права: учебник. М.: Юрист, 1995. 297 с.
14. Качалова О.В. Проблемы противодействия «скандализации» правосудия // *Мировой судья*. 2021. № 9. С. 20–25.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
16. Колоколов Н.А. Уголовно-процессуальный закон: феномен, который каждый трактует по-своему. *Уголовное судопроизводство*. 2021. №3. С. 2–16.

17. Колоколов Н.А. Засекреченный прецедент? Да нет, все-таки дело «Воробей» уже вылетело—не поймаешь. Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 2–12.
18. Корчаго Е.В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «Plea Bargaining» в уголовном судопроизводстве США: дис. ... к. ю. н. М.: 2023. 177 с.
19. Кудрявцев В.Н. Генератор идей. Труды Института государства и права РАН. 2007. № 4. С. 12–15.
20. Кутуев Э.К. Первый опыт применения правового реализма в России (Рецензия на монографию Ю.А. Цветкова «Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма») // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 1. С. 325–328.
21. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Московский рабочий, 1993. 400 с.
22. Ллевеллин К.Н. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг. Правоведение. 2015. № 4. С. 154–191.
23. Лесив Б.В. Правовой реализм Оливера У. Холмса: учение об онтологии прецедентного права. М.: Проспект, 2023. 296 с.
24. Маркварт Э. и др. CAF: модель управления качеством для организаций публичной сферы // Государственная служба. 2020. № 5. С. 26–31.
25. Маслов И.В. Рецензия на монографию Ю.А. Цветкова «Игры, в которые играют судьи (деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма)» // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2023. № 1. С. 100–105.
26. Махтук С.О. Топ-менеджмент в современном уголовном процессе: новые аспекты привычного понятия (ст. 39 УП). Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 140–144.
27. Милицин С.Д. Традиции как предпосылки преемственности уголовно-процессуального права. Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 88–101.
28. Милицин С.Д. Серьезные игры серьезных людей, или уголовное правосудие в необычном ракурсе. Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 2023. № 1. С. 125–128.
29. Наим М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: АСТ, 2016. 512 с.
30. Пашин С.А. Уголовный процесс не только для специалистов: обществу интересно, почему человека осудили. Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 38–44.
31. Победкин А.В. Авторитет следователя и как его обеспечить / Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству. Материалы международной конференции (2019). М.: Московская академия СК России, 2019. С. 276–281.
32. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное законодательство России: идейное содержание, форма, качество. Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 73–85.
33. Поляков С.Б. (а) Виноват ли нормативизм и что делать? Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 7–20.
34. Поляков С.Б. (б) Гимн разрухе судебной власти / Фундаментальные и прикладные проблемы государства, судебной власти, правосудия и судебной деятельности: материалы «круглого стола» 2023 г. М.: УМЦ, 2024. С. 237–260.

35. Пономарев С.В. Рецензия на монографию: заметки на полях монографии Ю.А. Цветкова «Реален ли правовой реализм в российском правосудии?» Актуальные проблемы административного права и процесса. 2023. № 1. С. 86–91.
36. Пьянкова Н.В. Реализация принципа самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом: дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2022. 232 с.
37. Рейснер М.А. Основы советской конституции. М.: Изд. Акад. Генерального штаба РККА, 1920. 238 с.
38. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.
39. Тихомиров Ю.А. «Живое право». Труды Института государства и права РАН, 2007. № 4. С. 34–45.
40. Тойнби А. Дж. Византийское наследие России. В кн.: Цивилизации перед судом истории. М.: Академический проект, 2002. С. 369–381.
41. Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с.
42. Ундревич В.С. Советский суд и защита // Революция права. 1928. № 5. С. 14–31.
43. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке М.: АСТ, 2006. 220 с.
44. Черемисина Т.В. Этика взаимодействия следователя с профессиональными участниками уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2022. 144 с.
45. Эрлих О. Основные положения социологии права. СПб.: Консорциум, 2011. 704 с.
46. Holtermann J., Madsen M. European new legal realism and international law: how to make international law intelligible. *Leiden Journal of International Law*, 2015, no 28, pp. 211–230.
47. Llewellyn K.N. The common law tradition: deciding appeals. Boston: Little, Brown & Co, 1960, 565 p.
48. Pound R. Mechanical jurisprudence. *Columbia Law Review*, 1908, vol. 8, no. 8, pp. 605–623.
49. Pound R. Law and morals. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1926. 144 p.
50. Ross A. On law and justice. London: Stevens & Sons, 1958. 377 p.

References

1. Afanasyev A.Y. (2021) Introduction to criminal procedure science. Moscow: Prospekt, 144 p. (in Russ.)
2. Agutin A.V. (2023) Spiritual bonds of the Russian people and government of Russia: directive of spiritual-national (concrete) and liberal (abstract). *Oeconomia et jus*=Economy and Law, no. 1, pp. 25–36 (in Russ.)
3. Carbonnier J. (1998) *Legal sociology*. Moscow: Progress, 352 p. (in Russ.)
4. Cheremisina T.V. (2022) Ethics of interaction of investigator with professional participants in criminal proceedings. Moscow: Yurlitinform, 144 p. (in Russ.)
5. Downs E. (2003) The life of bureaucratic structures. Moscow: MGU Press, pp. 341–361 (in Russ.)

6. Dvorkin R. (2020) *Empire of law*. Moscow: Gaidar Institute, 592 p. (in Russ.)
7. Ehrlich O. (2011) *Basics of sociology of law*. Saint Petersburg: University Press, 704 p. (in Russ.)
8. Fukuyama F. (2006) *Public administration: governance and world order in the 21st century*. Moscow: AST, 220 p. (in Russ.)
9. Goloskokov L.V. (2023) Digitalization of legislation: criminal law aspects. *Juridicheskaya tehnika*=Legal Technique, no. 17, pp. 424–431 (in Russ.)
10. Golovko L.V. (2020) State participation in criminal proceedings: from «arms equality» to realistic concepts. *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 6, pp. 107–118 (in Russ.)
11. Golovko L.V. (2022) Constitutionalization of criminal proceedings and its permissible limits. Papers of a conference. Saint Petersburg: University Press, pp. 31–39 (in Russ.)
12. Gruzdev V.S. (2021) Realism in jurisprudence: theoretical, methodological and historical aspects. Doctor of Juridical Sciences Summary. Moscow, 51 p. (in Russ.)
13. Gumilev L.N. (2003) *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Moscow: Iris-Press, 560 p. (in Russ.)
14. Holterman J., Madsen M. (2015) European new legal realism and international law: how to make international law understandable. *Leiden Journal of International Law*, no. 2, pp. 211–230.
15. How judges make decisions: empirical studies of law (2012) V.V. Volkov (ed.). Moscow: Statut, 368 p. (in Russ.)
16. Kachalova O.V. (2021) Countering «scandalization» of justice. *Justice of the Peace*, no. 9, pp. 20–25 (in Russ.)
17. Kazimirchuk V.P., Kudryavtsev V.N. (1995) *Modern sociology of law: textbook*. Moscow: Jurist, 297 p. (in Russ.)
18. Klyuchevsky V.O. (1987) *Essays on Russian history. Part I*. Moscow: Mysl, 430 p. (in Russ.)
19. Kolokolov N.A. (2021) Criminal procedure law: a phenomenon everyone interprets in own way. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*=Criminal Proceedings, no. 3, pp. 2–16 (in Russ.)
20. Kolokolov N.A. (2024) A classified precedent? No, if «Sparrow» has already flown out, you won't catch it. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*=Criminal Proceedings, no. 1, pp. 2–12 (in Russ.)
21. Korchago E.V. (2023) Creation of the institute of admission of guilt in Russia and «Plea bargain» in judicial proceedings. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 177 p. (in Russ.)
22. Kudryavtsev V.N. (2007) Generator of ideas. *Trudy Instituta gosudarstva i prava*=Proceedings of the Institute of State and Law, no. 4, pp. 12–15 (in Russ.)
23. Kutuev E.K. (2023) First experience of applying legal realism in Russia (Review of Yu.A. Tsvetkov's monograph «Games played by judges. Deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism»). *Obrazovanie, science, nauchnue kadry*=Education. Nauka. Cadres, no. 1, pp. 325–328 (in Russ.)
24. Leontiev K.N. (1993) *Byzantism and Slavism*. Moscow: Moskovsky rabochy, 400 p. (in Russ.)
25. Lesiv B.V. (2023) Legal realism of Oliver W. Holmes: doctrine of case law ontology. Moscow: Prospekt, 296 p. (in Russ.)

26. Llewellyn K.N. (1960) *The tradition of common law: consideration of appeals*. Boston: Little, Brown & Co, 565 p.
27. Llewellyn K.N. (2015) Realistic jurisprudence, the next step. *Pravovedenie=Law Studies*, no. 4, pp. 154–191 (in Russ.)
28. Makhtyuk S.O. (2019) Top management in modern criminal proceedings: Art. 39 of the Code of Criminal Procedure). *Vesnik Akademii sledstvennogo komiteta=Bulletin of Academy of Investigative Committee*, no. 2, pp. 140–144 (in Russ.)
29. Markwart A. et al. (2020) CAFE: quality management for catering. *Gosudarstvennaya sluzhba=Public Service*, no. 5, pp. 26–31 (in Russ.)
30. Maslov I.V. (2023) Review of Yu. A. Tsvetkov monograph «Games played by judges (deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism)». *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Proceedings*, no. 1, pp. 100–105 (in Russ.)
31. Militsin S.D. (2020) Traditions as prerequisites for the continuity of criminal procedure law. *Rossiyskiy juridicheskiy zhurnal=Russian Law Journal*, no. 1, pp. 88–101 (in Russ.)
32. Militsin S.D. (2023) Serious games of serious people, or criminal justice in unusual perspective. *Nauchno-technicheskoe obespechenie sudoproizvodstva =Science and Technical Support of Judicial Proceedings*, no. 1, pp. 125–128 (in Russ.)
33. Naim M. (2016) *The end of power. From boardrooms to battlefields, from church to state. Why it is necessary to manage differently today*. Moscow: AST, 512 p. (in Russ.)
34. Pashin S.A. (2024) Criminal process is not only for specialists: society is interested in why a person was convicted. *Ugolovnyi protsess=Criminal Process*, no. 2, pp. 38–44 (in Russ.)
35. Pobedkin A.V. (2019) The authority of investigator and how to ensure it. The Investigative Committee: the second decade at service of the fatherland: papers of international conference. Moscow: Academy of Investigative Committee of Russia, pp. 276–281 (in Russ.)
36. Pobedkin A.V. (2023) Criminal proceedings legislation of Russia. *Sudebnaya vlast i ugolovnyi protsess=Judicial Power and Criminal Proceedings*, no. 1, pp. 73–85 (in Russ.)
37. Polyakov S.B. (2024) Is normativism to blame and what to do? *Rossiyskiy juristskiy zhurnal=Russian Law Journal*, no. 2, pp. 7–20 (in Russ.)
38. Polyakov S.B. (2024) A hymn to the ruin of judicial power. State, justice and judicial activity. Papers of round table. Moscow: UMTS, pp. 237–260 (in Russ.)
39. Ponomarev S.V. (2023) Notes on margins of the Yu.A. Tsvetkov monograph «Is legal realism real in Russian justice?» *Aktualnye problemy administrativnogo prava i protsess=Issues of Administrative Law and Process*, no. 1, pp. 86–91 (in Russ.)
40. Pyankova N.V. (2022) Independence of the investigator, head of investigative body in relations with the prosecutor and the court. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Nizhnyi Novgorod, 232 p. (in Russ.)
41. Reisner M.A. (1920) *Basics of the Soviet Constitution*. Moscow: Gosizdat, 238 p. (in Russ.)
42. Strogovich M.S. (1970) *The course of the Soviet criminal process*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 516 p. (in Russ.)
43. Tikhomirov Yu.A. (2007) «Living law». *Trudy instituta gosudarstva i prava=Proceedings of Institute of State and Law*, no. 4, pp. 34–45 (in Russ.)

44. Tonkov E.N., Tonkov D.E. (2022) Legal realism. Saint Petersburg: Aleteya, 464 p. (in Russ.)
45. Toynbee A.J. (2022) Civilizations in front of court of history. Moscow: Akademi-cheskiy proekt, pp. 369–381 (in Russ.)
46. Undrevich V.S. (1928) Soviet court and defense. *Revolitcia prava*=Revolution of Law, no. 5, pp. 14–31 (in Russ.)
47. Pound R. (1908) Mechanical jurisprudence. *Columbia Law Review*, vol. 8, no. 8, pp. 605-623.
48. Pound R. (1925) *Law and morality*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 144 p.
49. Ross A. (1958) *On Law and Justice*. London: Stevens & Sons, 377 p.
50. Voskobitova L.A. (2021) A comprehensive understanding of legal basis of case in theory and modern law enforcement of criminal proceedings. P.A. Lupinskaya: impact to Russian criminal proceedings: memoirs and articles. Moscow: Norma, pp. 247–262 (in Russ.)

Информация об авторе:

Ю.А. Цветков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Yu.A. Tsvetkov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 21.11.2025.

The article was submitted to editorial office 15.08.2024; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.